

Ольга Дмитриева

Очень
короткие
рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дмитриева

Очень короткие рассказы

«Автор»

2025

Дмитриева О.

Очень короткие рассказы / О. Дмитриева — «Автор», 2025

Эта книга - мои заметки о жизни, что течет во мне и вне меня. Попытка понять ее изощренную игру и справиться с внутренней болью человека, чьи мечты однажды оказались похоронены. Но продолжают мучить, кричат и требуют пробуждения. Очень короткие рассказы - ответ на невозможности написать нечто большее, замахнуться на роман, да убоюсь я этого слова, но они - те самые точки, между которыми будет натянута нить будущего "взрослого" повествования.

© Дмитриева О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

В беседе	6
Настроение	7
Декаданс	8
Возвращение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ольга Дмитриева

Очень короткие рассказы

В беседке

... – Потому что я вас ненавижу, Андрей Петрович.

– А я вот, напротив, чувствую, что люблю вас, Катя.

– Вы заблуждаетесь. И бог, которому вы молитесь, – ваше же темное порождение. Не обманывайте себя.

– Нет, это не обман! Это чувство... его ни с чем нельзя перепутать, Катенька. Оно горит во мне, наполняет меня и все вокруг! Если бы вы только знали...

– Знаю, наполняет и душит... Андрей Петрович, ну, нечем дышать уже, уймись! Пойдите к Ульяне Никитичне, она вам своего фирменного чаю заварит. Еще перед выходом с собой в кармашек насыпет. Идите! Поговорите с ней о вашем новом проджекте, о внуках ее, что в гимназии мучатся, о погоде...

– Да что вы говорите такое?! Как можно, дорогая моя Катенька, столько злобы в вас... Ульяна Никитична, между прочим помогала вашей матушке, когда вы родились у ней. И батюшку вашего привечала...

– Батюшку – да, это мне известно, – тихо ответила Катерина Михайловна.

Потом она отвернулась и стала смотреть на пруд. И с досадой наблюдала в себе полное отсутствие ненависти, а лишь усталость и грусть. Все разговоры эти казались ей изощренной пыткой, попыткой усложнить простую и ясную картину мира, добавить всяких неудобных мелочей. Они рябили и отвлекали от важного. Хотелось просто смахнуть их, вроде бы так просто...

Она повернулась к стоящему рядом гостю:

– Ну и пусть бы я была такой, как вы меня описываете, Андрей Петрович, но ведь это ничего не меняет. Хороша я или плоха, все равно скажу вам: вы мне не нужны. Со всеми вашими достоинствами, Андрей Петрович, вашим любящим сердцем и добрыми намерениями. Коли я не хочу вашей щедрости, так что же вы меня ею силой потчуете?

Андрей Петрович побледнел и сжал челюсти. Гнев и страдание почудились Екатерине Михайловне в его взгляде. Но поправить сейчас ничего уже было нельзя. Она молча взяла книгу с кресла и быстро пошла в дом, чувствуя себя так, будто сломала хорошую вещь, но ей оттого почему-то совсем не грустно, а даже весело и легко. И эта страшная радость смешалась с чувством стыда за себя, так что Катерина Михайловна почти до утра не могла уснуть. И забылась лишь перед рассветом, когда в комнату стала сочиться прохлада и стихли ночные звуки, а внутри появилась тишина. Тишина и боль. И ничего лишнего.

Настроение

Василий Петрович отпил чаю и, задумавшись крепко, остановил взгляд на распахнутом окне. Оконные рамы давно не крашены, невольно подумал он. Бог с ними. Главное, тепло сегодня и жить радостно сразу становится.

Манька баранок принесла и яблочного варенья.

В прошлом году сняли столько яблок, что варенья наварили – за год не съесть. Уже конец мая, а оно все не кончается. Надо Земленёвым, соседям отнести несколько банок, когда пригласят на обед.

Василий Петрович обмакнул кусок баранки в варенье и откусил большой кусок. Запил горячем чаем. Снова задумался.

Очень хотелось погулять в саду. Может быть, сходить на реку. Там сейчас особенно хорошо: вода, небось блестит на солнышке, так и тянет окунуться в нее. Василий Петрович махнул рукой и поднял рукавом халата крошечные пылинки со стола. И они закружились в воздухе, так что снова защемило сердце от восторга.

Вечером приедет сын из города. Василий Петрович все смотрел на окно, сквозь окно, и невольно вспоминал как Андрюша был маленьким и все норовил пробраться в эту комнату. Потому как сюда его не пускали и это делало отцовский кабинет таинственным, полным сокровищ и историй. Когда сыну исполнилось десять, Василий Петрович разрешил ему здесь читать. Андрей долго выбирал книгу, спрашивал о чем та или другая. Потом забирался в кресло у окна и до обеда читал. И Василий Петрович чувствовал радость и умиление. И более Андрюше не препятствовал посещать это место, а звал и хвалил. А теперь тот вырос. И вечером будет поглаживать бородку во время рассказов о службе. А когда-то его маленькие ботиночки стояли возле кровати и отец однажды принял их за кукольные, и положил в корзину с игрушками.

Куклы Андрюшка таскал у сестры, у Сони. Она уже шестой год как замужем. Уехала в Петербург. Пишет редко. Но о Соне почему-то думать не хотелось...

Василий Петрович помрачнел. Может, оттого, что солнышко скрылось, сделав все цвета в кабинете холодными и строгими. Василий Петрович поежился и закрыл окно. Настроение было утеряно. Чай остыл. На реку, пожалуй, идти уже поздно. К ужину не успею, – размышлял Василий Петрович. Открыл ежедневник и занялся делами.

Декаданс

*Я шла по бульвару и черные окна с испугом смотрели мне в след.
И мне было грустно, и пусто, и странно; под мышкой несла я пакет.
От ветра и музыки, шедшей из бара,
сквозь слезы бульвар изнывал от пожара;
и тени ныряли в оранжевый улей
и ваши слова были той самой пулей...*

Мне никак не удавалось написать концовку. А завтра уже нужно сдать текст.

Я сидела и грызла карандаш. Ну, писала-то я на компе, но без карандаша была лишена власти над словами. Он был моей волшебной палочкой, без которой я не смогла бы творить магию.

Крутясь в кресле то вправо, то влево, я размышляла над мощной концовкой. Но она не хотела приходить. Я вспоминала, как хорош Гоголевский теплым весенним вечером. Как расплываются огни фонарей, светофоров и машин, если немного прищуриться. Как любой прохожий может стать особенным и волнующим воспоминанием. Пока ты там, ты не чувствуешь одиночества, ты полон надежды или иллюзии; но так сладко плыть по этим ручейкам городских улочек и мечтать...

Даже не знаю, осчастливить свою героиню или втоптать ее окончательно в омут невозможности. Пока я была мучима этим вопросом, зверски захотелось есть. Так всегда, – когда я устаю или задача кажется слишком сложной, тут же тянет выпить и закусить.

Засунув в рот лаваш с овощами, я стала мычать мелодию и подыскивать слова:

И словно из старых готических сказок...

Тут, видимо, надо закончить строчку словом «глазок». Нет, придется переделать.

*И словно из сказочек в Гриммовском стиле,
С висящим шутком на готическом шпиле,
Я вышла на площадь, забитую чернью,
И тихо растаяла в дымке вечерней.*

Все, кажется на этом можно закончить. Ох уж этот странный андеграунд! Декаданс без захода на Ренесанс.

Возвращение

В этот раз все было совсем по другому.

Коридор был залит солнечным светом. Свет лился из всех распахнутых кабинетов и из единственного окна – на противоположном конце коридора. Я точно не знала какое сейчас время года, но что-то мне подсказывало, что так бывает только весной. Потому что совсем не было жарко. И было радостно.

Мариванна вышла из процедуры и, увидев меня, очень обрадовалась. Мы не виделись пятнадцать лет. Она сморщилась как киргизская абрикосина, чем вызвала одновременно умиление и ужас. Я в последнее время стала замечать, что те, кто являются моими сверстниками, постарели. И до меня стало потихоньку доходить, что я тоже старею. И хотя этот процесс незаметен, я не в силах замедлить его ход...

Мариванна налила чаю. Пришла Надежда Ивановна. Она не сильно изменилась: как мне казалось когда-то, что она жестко бухает, так и не рассказало сейчас. Возможно, водка одновременно отнимала у нее здоровье и проспиртовывала, предотвращая дальнейшее разложение. Ивановна делала вид, что я ей интересна, но быстро заскучала и ушла работать.

Бывшая подружка Леся – стало откровенно страшной. И не только ее заострившиеся скулы и тонкие губы (они стали настолько тонкими, что ее рот был словно прорезан ножом на заготовке ее лица) казались мне пугающими, но в особенности потухший интеллект, который еще тогда, пятнадцать лет назад, был скуден и примитивен как узор на изделиях ивановского трикотажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.